

6. Критическая ситуация в Москве в октябре 1941 года

Октябрь 1941 г. был наиболее насыщен различного рода военными событиями. Немецкие войска, сломавшие нашу первую линию обороны по границе, всей мощью своих дивизий глубоко прорвались на территорию Украины, Белоруссии, Прибалтийских государств и к Ленинграду.

В чем дело? Почему наши войска не могли оказать достаточно сильного сопротивления, а во многих случаях беспорядочно отходили в глубь своей страны? Во-первых, это объяснялось тем, что наша армия долгие годы воспитывалась на явно неправильных установках, а именно: „мы ведем войну только на территории противника“. Если бы эта агитационная установка не сопровождалась бы ~~бездельем наших строев~~ ^{издевательскими руководящим указаниями в боевой обстановке}, которые должны знать способы ведения войны, а эти способы должны быть разработаны на случай нашего глубокого прорыва на территорию противника и на случай глубокого прорыва противника на нашу территорию. Если до войны обращалось внимание на строительство укрепленных районов по Западной границе, разрабатывались различного рода оперативно-тактические приемы на случай нападения противника и на случай занятия нами оборонительного положения, то дальше ничего сделано не было. Почти в течение двух и даже более месяцев войска, отходившие ^{когда} от Западной границы, не имели ни одного директивного указания, ^{в котором бы указывалось} где же их следующие рубежи, на которых они должны задержаться, а кроме того, эти рубежи заранее должны были готовиться командующими фронтами ^и армиями ^и. Можно с уверенностью сказать, что если бы заранее были бы укреплены рубежи Припять-Березина-~~Дзержинск~~ ^{Двина} и другие крупные реки до Днепа

ра, а Днепр был бы третьим рубежом обороны, считая первым рубежом укрепленные районы по границе. *никогда ГИ не имели на нашу территорию войск*
 Войска не были достаточно ориентированы о намерениях главного командования, получая одни общие указания: "Бить врага, стараться задержать его, стараться не допускать обхода наших войск" и так далее, а чтобы командование фронтов или армий проводило какие-то планы обороны по рубежам, были бы сосредоточены средства укрепления, сосредоточивались на этих рубежах войска, идущие из глубокого тыла, всего этого не было подготовлено, не было дано *Кемлю и Коширскому приказом* командованием фронтов и армий. Напрашивается вопрос - в результате чего же все это произошло? Произошло это в результате того, что Генеральный Штаб привык получать указания свыше, а не учитывал того, что более высокой инстанции в военных вопросах, чем сам Генштаб, никого не было. Нельзя же было ожидать, что эти сугубо чисто военные вопросы были преподаны Генштабу Сталиным. Кроме того, несостоятельной оказалась и система от мобилизации армии. При современных условиях ведения войны, когда вы можете быть вовлечены в войну в любую минуту, от мобилизовать армию по системе, которая существовала у царя в 1902 и в 1914 годах, нельзя. Характер внезапного нападения требует, чтобы на границе стояли войска в такой численности и такой организации, которые бы приняли удар на себя без пополнения, а мобилизационные контингенты, которые имеются в приграничной полосе в случае внезапного нападения немедленно отводились бы в тыл всеми средствами, которые имеются для того, чтобы сохранить эти мобилизационные людские ресурсы, а чтобы

*Большинство
мобилизации*

вся система отмотилизования была построена на принципе ^{получе-} ~~личной дисциплины~~ ^{получе-} ~~ния обмундирования~~ ^{и выдачи личного оружия} в военкоматах. Это будет позволять направлять ~~людей~~ ^{солдат} на фронт, ~~туда~~ ^{туда}. всех отмотилизованных, в ^{готовом} ~~полуретовом~~ виде к бою. И если та часть, в которую назначались эти люди, по вине обстоятельств изменила дислокационное положение, и люди не могут в нее попасть, то они могут поступить в любую часть, которая находится здесь же или по пути их следования, таким образом они не будут являться обузой, как это было у нас на Западном фронте, когда в части этого фронта приходили солдаты в штатской одежде и без оружия, а быть использованными в боях они не могли до тех пор, пока не поступит на них обмундирование и оружие.

Кстати нужно сказать, что крупную отрицательную роль сыграло и воспитание армии на принципе ведения войны только на территории противника, и поэтому от нашей партии потребовалось много особенно напряженной работы по разъяснению солдатам и офицерам, что мы должны воевать на любой территории. И если нас противник отбросил и даже довольно далеко ^{в глубь} ~~на~~ своей территории, то мы должны оборону организовать быстрее, сильнее, потому что мы находимся на своей территории и распоряжаемся всеми своими ресурсами, которые пока не подвергались ни разграблению, ни разрушению. Все же несмотря на принятые самые решительные меры, дабы преградить немецким войскам путь в продвижении в глубь нашей страны, к 16 октября 1941 г. сложилось исключительно тяжелое положение, так как немцы захватили Нарофоминск, Калугу и подошли в некоторых местах к Москве на расстояние 50 км. Передовые отряды ^{немец} ~~были~~ в Кубинке, захватили Солнечногорск, с тан-

ками побывали в Яхrome и Голицино. Обстановка в Москве созда-
лась очень сложная, а сеятели паники не упустили этого сложно-
ного момента и начали распространять слухи, что вот-вот немцы
захватят Москву.

Подготовка аэростатов к ночному дежурству.

Устройство противотанковых заграждений

16 октября 1941 года на Москву надвинулась смертельная опасность. Правда, чтобы взять такой большой город как Москва, требуется очень много сил, а если этот город сам готовится к серьезному сопротивлению, то потребность в силах для захвата удваивается, утраивается.

События 16 октября очень плохо характеризуют ^{некомпетентность} ~~невозможность~~ наших руководителей и особенно секретаря МК А.С.Щербакова. Пассивность и нерешительность – вот характерные черты в деле обороны Москвы в ~~эти~~ первые дни после 16 октября 1941 года. Главное, что москвичи сами проявляли неуверенность в возможности отстоять Москву, тогда как требовалось быть фанатически убежденным, что Москву мы никогда не отдадим врагу.

Что же послужило основой такой неуверенности и способствовало развитию взглядов, что немцы могут занять Москву с ходу? А послужило то, что немцы отдельными танками прорвались к Кубинке, захватили Истру, Солнечногорск и приближались небольшими группами танков к Яхроме и Дмитрову, но все это были отдельные, даже разрозненные небольшие группы танков, которые были скорее разведывательными ^{по разведке} ~~чем~~, чем какими-либо серьезными силами, которые были способны на проведение ^{малых-маленьких} ~~каких-либо~~ крупных военных операций. Вряд ли даже эти группы взаимодействовали между собой. Слишком мелко всё это выглядело. Тогда как при малейшем сопротивлении Москвы немцам потребовалось бы для занятия Москвы 50 полнокровных дивизий. Но когда немцы появились около Москвы на расстоянии 80-100 км, то у них никаких полнокровных дивизий уже не было вообще.

Помнится утро 16 октября. Звонит по телефону начальник Генштаба Маршал Шапошников и передает, что Сталин приказал всем органам тыла немедленно эвакуироваться в Куйбышев, а Ставка перейдет в Арзамас. Поэтому он просил меня подготовить ему поезд для следования в Арзамас, *а органы тыла отправить срочно в Куйбышев*

16 октября около 5-ти часов утра, через Маршала Шапошникова Б.М. был передан приказ Верховного Главнокомандующего о том, чтобы органы тыла 16 октября свертывали свою работу в Москве и направлялись в Куйбышев и только после наших длительных убеждений Сталин согласился руководство тылом оставить в Москве с организацией полевых органов управления, а основную массу работников органов тыла все же направить в Куйбышев. Одновременно Сталин приказал моего первого заместителя М.В.Захарова отправить в Куйбышев, чтобы он там обеспечил порядок в деятельности военных органов от лица Ставки Верховного Главнокомандования.

Несмотря на все возражения, которые я встретил со стороны М.В.Захарова, помочь я ему ничем не мог, так как передо мной ладывать такой вопрос Сталину было бесполезно. М.В.Захаров уехал в Куйбышев.

16 ~~де~~ октября примерно между 10 и 11 часами по Большому Садовому кольцу следовала большая колонна транспортов конных и автомобильных, я спросил, что это за транспорт и куда он направляется, оказалось, что это движется 2 эшелон Западного фронта, имея приказание ^{Командующего Мухомова} достигнуть Владимира, где и расположиться. Имея разговор с Маршалом Шапошниковым и видя движение транспортов, я доложил Сталину, что мне непонятно, почему тыл Западного фронта следует во Владимир, вглубь страны на 200 км от фронта, и второе, что я не считаю возможным немедленно отправиться в Куйбышев, ибо в связи с отходом Западного фронта на Москву, нам надлежит решить очень много вопросов материального порядка и главное нам необходимо решить вопрос о том наличии имущества, которое находится в Москве для обеспечения всей действующей армии и что мы не можем уехать до тех пор, пока или не эвакуируем все наличное имущество, или не развезем его по действующим фронтам. Я предложил Сталину направить в Куйбышев ряд управлений, но от каждого управления оставить ^{в Москве} крупную опе-

Баррикады из противотанковых ежей на улицах
Москвы в октябре 1941-го

К сентябрю 1941 года СНК СССР разработал правила
пользования метро, как бомбоубежищем.

ративную группу, которая могла бы заниматься вопросами железно-
~~дорожного~~ ^{перевозками} ~~перевозки~~, вопросами автомобильного ^{перевозками} ~~перевозки~~, эвакуаци-
 ей раненых, снабжением войск фронта теплым имуществом, продо-
 вольством, ^{боксингами} горюче-смазочными материалами и ^{низкими} другими важными
~~жизненными~~ вопросами для действующих фронтов. Сталин с этим
 предложением согласился и разрешил мне пробыть в Москве ^{пока} ~~еще~~
 сутки, но перед выездом в Куйбышев ^{один раз переговорить} ~~должен~~ ему как ~~состоит~~
^{с ним} ~~дело~~. На следующий день я вновь доложил Сталину, что обстановка
 требует, чтобы ~~я~~ остался в Москве и занимался вопросами эвакуа-
 ции различного рода учреждений, ^{востребованных заведений - военных} институтов и оказания помощи
 в эвакуации гражданских учреждений. Сталин согласился с этим,
 заявив, что насчет невъезда из Москвы мы еще вопрос обсудим.

Числа ~~16~~ ¹⁷ октября я встретился с т. Микояном и уз-
 нал от него, что он по решению ГКО должен выехать в Куйбышев.
 Я заявил т. Микояну, что его отъезд в Куйбышев для нас воен-
 ных крайне нежелателен, так как во многих вопросах материаль-
 ного обеспечения армии, работы промышленности на армию ~~и~~
~~многих других~~ участие т. Микояна ^{АИ} было очень большим. Тов. Ми-
 коян заявил мне, что он не будет возражать, если я поставлю
 этот вопрос перед Сталиным. В этот же день я доложил Сталину,
 что отъезд ^{АИ} Микояна в Куйбышев нанесет большой ущерб делу обес-
 печения ^{Армии} ~~что~~ с деятельностью т. Микояна связано обеспечение
 нас горючим, продовольствием, обмундированием, медико-санитар-
 ным имуществом и многими другими видами ^{материального снабжения} ~~обеспечения~~ армии, ^{ГМИ} не
 входящих в компетенцию начальника тыла Советской Армии. Сталин
~~резко~~ отверг мое предложение и только в результате длительных
 доказательств о нецелесообразности поездки т. Микояна в Куйбы-

шев Сталин заявил, что поскольку в Куйбышев выезжают все посольства, а другие члены ГКО выехать туда не могут, да и ^{Тов. Микоян} ~~и~~ ^{Тов.} Микоян ближе всего стоит к иностранцам, имея большую связь с иностранными государствами по линии внешней торговли, ~~кто~~ пусть т. Микоян пробудет в Куйбышеве ~~5-7~~ ⁵⁻⁷ дней и после этого вернется в Москву. Тов. Микоян пробыл в Куйбышеве 3 дня и вернулся в Москву.

Характерно отметить и то, что московское руководство в лице т. Щербакова, повели себя недостаточно выдержано. Тов. Щербаков, узнав какими-то путями, что у нас на Главном складе интендантства в Москве хранится 500 тысяч пар обуви и много другого имущества, предложил мне приказать раздать это имущество населению. Я заявил категорический протест против такого взгляда на дело, сказав Щербакову, что я не понимаю чем вызвано такое предложение: войны мы кончать не собираемся, сдаваться на милость немецких войск также никто не собирается, следовательно мы должны дорожить всеми ресурсами, которые имеются в нашем распоряжении.

Часов в 12 дня 17 октября я выходил из помещения по улице Горького, 20, чтобы поехать в Наркомат путей сообщения для решения вопросов перевозок, и увидел неприглядную картину - многие офицеры идут в помещение, где был расположен Штаб тыла и его учреждения, и несут с собой шапки-ушанки, теплые перчатки, подшлемники и другие вещи зимнего обихода. Я немедленно возвратился в Штаб тыла и потребовал от генерала Миловского объяснения, кто и на каком основании дал распоряжение, чтобы штабным

офицерам выдавались теплые вещи, сказав ему, что теплые вещи нам нужны для фронта, для людей, которые ведут боевые операции и находятся в поле, в лесу, а не в помещении, поэтому мы должны строго наказать тех, кто позволил раздать офицерам теплые вещи. По истечении 20-30 минут мне было доложено, что эти вещи были получены в производственных ~~артель~~ артелях, которые работают на армию и которые по распоряжению МК партии раздают все вещи населению. Я тут же позвонил секретарю МК партии т. Щербакову, заявив ему свое большое неудовольствие по поводу такого порядка, на что последовал ответ, что это делается правильно, "а мы считаем неправильным ваше поведение, что вы свое имущество держите на складах и ~~хотите~~ ^{видите} отдать его немцам, и что он об этом будет докладывать Сталину". Я заявил Щербакову, что пусть кому угодно докладывает, но ~~я~~ ^{мы} военных вещей раздавать не будем, пока не последует категорический приказ после моих объяснений и доводов, что этого делать нельзя. Весь этот разговор мною был доложен т. Микояну, а последний доложил его Сталину, и раздача вещей была прекращена, но 16 ^{го} октября было потеряно большое количество имущества.

гражданские

Многие ~~партийные~~ организации бросали свои склады и уезжали на Горький. У причалов ~~у~~ Московского речного вокзала стояли уже загруженные баржи текстилем, различного рода суконными и готовыми изделиями, но это все не отправлялось, а люди куда-то уехали. Интендантские работники во главе с зам. начальника тов. Палеевым Б.С. по моему поручению разослали многих офицеров по Москве по различного рода железным дорогам и водным путям, чтобы выяснить, что мы можем спасти и какими путями мы будем это

спасать.

Наркомат внешней торговли оставил на холодильнике большое количество мехов, приготовленных для экспорта, но не вывезенных. Величина была не маленькой - около 100 вагонов. Меха мы забрали, погрузили в вагоны и направили в Казань на склад вещевого управления Главного интендантства. Это имущество пробыло в наших руках почти полгода и только после запроса т. Микояна, что не находится ли такое имущество у вас, мы заявили, что такое имущество действительно у нас и предложили Наркомату внешней торговли забрать эти меха.

16-17-18 и вплоть до 20 октября была самая тяжелая обстановка в Москве, так как всем Наркоматам и организациями, академиям и институтам была дана команда об эвакуации, в результате чего к Наркомату путей сообщения были предъявлены громадные невыполнимые требования по подаче вагонов для эвакуации имущества, людей, различного рода архивов и проч. и проч. Так как вокруг вагонов создавался ажиотаж, который принял явно ненормальный характер, то ГКО вынесло решение о назначении в качестве уполномоченного по эвакуации Москвы т. Косыгина А.Н. В этом деле столкнулись интересы двух сил - армии и военного ведомства с одной стороны и гражданских организаций с другой стороны, забота о которых была возложена на т. Косыгина. В результате наших самостоятельных выступлений в Наркомате путей сообщения мы убедились, что без согласования нам эту работу проводить нельзя. Поэтому мы пошли на договоренность с Косыгиным: кому, когда

Эвакуация московских предприятий

Паника в Москве 16-18 октября 1941 года

и сколько вагонов давать. Мы взяли на себя обязательство рассматривать и военные, и гражданские потребности. Это согласование дало очень хороший результат.

Но примерно между 18 и 20 числом октября, ночью, часа в 2, звонит Сталин и заявляет, что правительству нужно немедленно 3000 автомобилей под эвакуацию из Москвы в Горький государственного резерва мяса, масла, сахара и других очень ценных продуктов. Не имея в наличии автомобилей, я сказал Сталину, что такую просьбу мы выполнить не можем, у нас нет автомобилей. В результате длительного разговора мы договорились, что выделим 1000-1200 автомобилей в распоряжение т. Косыгина, который обязан был заниматься эвакуацией этих продуктов. Эвакуация этих продуктов полностью не состоялась, потому что ни железнодорожных вагонов, ни автомобилей, которые могли бы поднять такую массу продуктов в объеме ^{более} 50 тысяч тонн, да еще и в короткий срок, у нас не было. Мы по крохам собирали автомобили, выделяли небольшими партиями вагоны, но все это ^{не двигалось} ~~не могли перевезти~~ в Горький, так как железная дорога и шоссе были забиты эвакуирующимися ^{машинами и иными средствами} ~~и были забиты не только организованными перевозками, но были забиты главным образом стихийно отъезжающими из Москвы многими организациями, которые еще имели в своем ведении машины, так как на эти машины в свое время Автодорожное управление не успело наложить "вето", таким образом в распоряжении отдельных ведомств и учреждений оказались машины и они действовали дезорганизованно не контролируемые Автодорожным управлением. Так вот эти организации и мешали нам организованно провести эвакуацию. Правда, этот эвакуационный психоз очень~~

скоро утратил силу. Немцы были остановлены перед Москвой в результате проведенных мероприятий по обороне Москвы и подошедших свежих сил с Востока. Мы не только задержали немцев, но в ряде мест начали их отбрасывать. К этому времени погода резко изменилась в сторону похолодания, начались сильные морозы с метелями, чего немцы не ожидали. Немцы были очень плохо одеты, не имели средств против замерзания воды в радиаторе автомобилей и таким образом сразу же оказались прикованными к помещениям, а наша армия, привыкшая к суровым зимним условиям, очень хорошо снабженная теплыми вещами, к этому времени начала в ряде пунктов бить немцев.

В связи с резким похолоданием во второй половине октября, *что* у нас ~~редко~~ ^{всегда редко, перед нами} бывает, ~~и у нас~~ встал вопрос обеспечения армии теплым имуществом. Правда, мы, зная климат нашей страны и желая себя гарантировать от всякого рода неожиданностей, постарались все теплое имущество, необходимое для обеспечения армии, развезти по фронтам до 1 октября. Но были у нас и курьезные случаи.

Числа 17-18 октября Булганин Н.А. доложил Сталину, что фронт не имеет теплого имущества, в результате чего войска не могут ~~действовать~~ ^{активно}, не могут развивать ~~активные~~ боевые действия. Сталин, как всегда, резко реагировал на подобное заявление. Он позвонил мне и в очень раздраженной форме начал спрашивать: "Как могло случиться, что нет этого ~~имущества~~ ^{теплого имущества}, как могло случиться, что такой фронт, как Западный, на который возложена ответственность за защиту Москвы, оказался без теплого обмундирования?" При этом он не преминул применить в разговоре угрозы, как арест, расстрел и прочее, и прочее. Несмотря на мои попытки доказать, что Булганин не знает, что у него на фронте имеет-

У нас известно, что вернулись в Москву 200,
 ся, ~~в то время как~~ фронт получил 200 тысяч полных комплектов
 теплого обмундирования, Сталин потребовал, чтобы я ему дал
 точную справку: где и что находится; так как разговор был под
 утро, то примерно в 11-12 часов такая справка была доставлена
 Сталину с об"яснением где и в каком пункте ^{и сколько} теплых вещей нахо-
 дится. Уже о дальнейшей судьбе этого вопроса я узнал от т. Ми-
 кояна, который передал мне, что Сталин, получив мою справку,
 вечером в той же резкой форме, как он разговаривал со мной,
 разговаривал с Булганиным. Но я сам лично, не дожидаясь пока
 Сталин будет разговаривать с Булганиным, утром разыскал Булга-
 нина и спросил его на каком ~~ни~~ основании ^{он} делает такие необос-
 нованные заявления Сталину? Он мне ответил, что его заявление
 обоснованное и он готов в любую минуту ответить за свое заяв-
 ление.

Но надо было знать двух людей в Армии - это Булганина и
 Мехлиса. Они друг перед другом старались ^{сообщить} ~~перед~~ Сталину ~~в деле~~
~~создания сенсационных~~ сенсационных данных и, как правило, я должен
 сказать, что они попадали пальцем в небо. В последующем я рас-
 скажу еще не мало фактов подобного порядка, а ряд фактов ^{даже} с очень
 тяжелым последствием. Вот такая ничем не оправданная скоропо-
 лительная информация Сталина, который очень болезненно реаги-
 ровал на всякие подобные ^{заявления} ~~данные~~, вплоть до того, что подозре-
 вал непосредственно действовавших в том или ином деле ^{или} во вре-
 дительстве, предательстве, шпионаже и прочих страшных ^{делах} ~~вещах~~.
Нужно сказать, что,
 Вот только этим, ~~нужно сказать~~, и отличались эти два члена Во-
 енного Совета - Булганин и Мехлис, тогда как другие члены Воен-

~~никогда~~ ~~никого~~ Советов, даже члены Политбюро, такие как Н.С. Хрущев и А.А. Жданов, никогда не позволяли себе выступать перед Сталиным с такими заявлениями, ~~даже если были основания к таким выступлениям.~~ Прежде ~~они~~ ^{они} вели разговор с людьми, которые имели к этому отношение, т.е. с нами, ^а в дальнейшем они или лично, или через членов Военного Совета как Корнейц, Соловьев, Штыков, ^{М.Ф.} Кузнецов, ^{А.А. ромашин} ~~соседавали~~ ^{все неформально} с нами.

Октябрьские события 1941 г. также показали как неправильно относились к Сталину некоторые его соратники, или его окружение. Берия, Маленков, ~~Молотов~~ ^{и Назарович} наперебой уговаривали Сталина 16 октября покинуть Москву. Их меньше всего интересовала сама Москва, больше всего они старались показать свое угодничество перед Сталиным, что они очень оберегают его жизнь. Все было подготовлено к тому, чтобы Сталин покинул Москву, но видимо, в Сталине в самом заговорило здоровое чувство, что если он, Сталин, покинет Москву, то Москву безусловно сдадут немцам, да и заранее можно сказать, что ^{если бы} Сталин покинул Москву, а население бы узнало об этом, то в Москве была бы невероятная вакханалия. Непонятно, как люди, стоявшие у руля государственного управления, могли потерять чувство ответственности перед народом и партией и склониться только к прямому угодничеству перед Сталиным. Характерно и то, что по истечении 3-дневного ^{защита} ~~рабочего~~ ^{мелочей} ~~состояния~~ Сталин звонит мне и спрашивает, где начальник ГАУ, генерал-полковник ^{Армилларин} Яковлев. Я ответил Сталину, что генерал-полковник Яковлев, т.е. начальник ГАУ, мне не подчинен и я не могу сказать где он находится.

Палеев, Борис Соломонович (1898 — 1983) - советский военачальник, генерал-майор. Окончил военное отделение Института народного хозяйства. Считался одним из ведущих специалистов Наркомата обороны, Заместитель начальника Главного интендантского управления Красной Армии, в котором служил с 1935 по 1959 год.

Корниец Леонид Романович (1901 - 1969), партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1943). Сделал быструю карьеру в условиях массовых чисток партактива в 1937-38 гг. С 1938 года - 2-й секретарь Днепропетровского обкома КП(б) Украины, председатель Президиума Верховного Совета Украины, СНК Украинской ССР (УССР). С 1940 депутат Верховного Совета СССР. Во время Великой Отечественной войны - один из организаторов партизанского движения, член Военного совета ряда фронтов. С 1944 года - зам. председателя СНК (Совета министров) УССР. После смерти Сталина карьера не прервалась, наоборот, сделала новый виток: министр заготовок СССР (1953-1956), министр хлебопродуктов СССР (1956-1958), пред. Гос. комитета Совета министров СССР по хлебопродуктам (1958-1961), 1-й зам. председателя (1961-1963) и председатель (с 1963) Гос.комитета заготовок.

Соловьев Николай Васильевич (1903 — 1950) — советский государственный и партийный деятель, генерал-лейтенант. Во время Великой Отечественной войны - член Военных советов

Красногвардейского укрепрайона (1941), 42-й армии Ленинградского фронта (1941), Ленинградского фронта по тылу (1941—44). Отвечал за ледовую Дорогу Жизни и водную переправу через Ладожское озеро, организовывал строительство нефтепровода по дну Ладоги. С 1946 года - первый секретарь Крымского обкома партии. В 1949 году арестован в рамках "Ленинградского дела", 27 октября 1950 года Военной коллегией Верховного суда СССР за участие в «контрреволюционной антипартийной группе врагов народа» в Ленинграде приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1954 году при непосредственном участии А.В.Хрулева.

Штыков Терентий Фомич (1907 — 1964) — советский партийный и военный деятель, дипломат. Генерал-полковник (1944). Чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНДР (1948), фактический правитель северной части Кореи в 1945—1950 годах, один из организаторов Корейской войны. Депутат Верховного Совета СССР II и IV созывов. 1938—1945 гг. — 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), 1939-1940 гг. — член Военного Совета 7-й армии, с 1941 года — член Военного Совета Ленинградского фронта, Волховского фронта, Карельского фронта, Приморской группы войск Дальневосточного фронта, 1-го Дальневосточного фронта. 1945—1947 гг. — заместитель командующего войсками Приморского военного округа по политической части. В 1946—1947 гг. — глава советской делегации в Советско-американской комиссии по Корее, 1948-1950 гг. — Чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНДР, далее освобождён от обязанностей за «просчёты в работе, проявившиеся в период контрнаступления американских и южнокорейских войск в северных районах Кореи». В 1950—1951 гг. — сотрудник Дальневосточного отдела МИД СССР, в 1959-1960 гг. — Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгрии, далее на партийной работе.

Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950) — советский партийный деятель. В 1938 году назначен Ждановым вторым секретарём Ленинградского горкома ВКП(б). Активный участник массовых репрессий, входил в состав внесудебного органа - особой "тройки", созданной по приказу НКВД СССР. Во время Великой Отечественной войны - член военных советов Балтийского флота, Северного и Ленинградского фронтов, генерал-лейтенант (1943). Член ЦК ВКП(б) с 1939 года, в 1945—1946 годах первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, был привлечён к атомному проекту СССР. С 1946 года - член Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б), начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). С 1949 года - секретарь Дальневосточного бюро ЦК партии. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 года. В 1949 году был арестован по «Ленинградскому делу» в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкова, 30 сентября 1950 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу и на следующий день расстрелян. Реабилитирован в 1954 году.

Яковлев Николай Дмитриевич (1898 — 1972) — советский военачальник, Маршал артиллерии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1934г. — начальник артиллерии Полоцкого укрепленного района в Белорусском военном округе. С 1937г. последовательно был начальником артиллерии Белорусского, Северо-Кавказского и Киевского особого военного округа, начальник артиллерии Украинского фронта, командующий артиллерии 7-й армии. С июня 1941 по 1946 гг - начальник Главного артиллерийского управления РККА (ГАУ). С 1946г. - первый заместитель командующего артиллерией Советской армии. В 1946г. возглавил специальную комиссию, которая посетила Германию с целью создания ракетной отрасли (2-го Главного управления). С 1948г. — заместитель Министра Вооружённых Сил СССР. В начале 1952г. был снят с этой должности, арестован по обвинению во вредительстве и лишён звания Маршала артиллерии. В апреле 1953г., сразу после смерти И. В. Сталина, по предложению А.П.Берия освобождён и восстановлен в звании, далее первый заместитель командующего, а с 1955г. — Главнокомандующего Войсками ПВО страны.